

САГИТ ШВАРЦ

С ТЕХ ПОР
КАК ТЫ
УШЛА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ШЗЗ

Sagit Schwartz
SINCE SHE'S BEEN GONE
Copyright © Sagit Maier-Schwartz, 2024
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Натальи Фрумкиной
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Шварц С.

ШЗЗ С тех пор как ты ушла : роман / Сагит Шварц ; пер. с англ. Н. Фрумкиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 416 с. — (Гербарий).

ISBN 978-5-389-25936-2

Потеряв мать в пятнадцать лет, Беатрис по прозвищу Лима утратила главную опору, и ее жизнь превратилась в настоящий хаос. Без маминой любви и поддержки, чувствуя себя никому не нужной, девочка от отчаяния погружалась в бездны анорексии. Сложный процесс выздоровления занял немало времени, зато спустя годы Беатрис четко определила свое призвание и стала успешным клиническим психологом. Но однажды к ней в кабинет приходит незнакомая пациентка, которая утверждает, что мать Лимы жива и что ей грозит смертельная опасность. И снова жизнь Беатрис переворачивается с ног на голову, и молодая женщина бросается на поиски матери, невольно переходя дорогу могущественным силам, способным разрушить ее жизнь.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Н. Фрумкина, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25936-2

*Моей маме Пенине (1950–1997),
которая верила в меня, и всем, кто страдает от
расстройства пищевого поведения, а также их
родным. Надежда на исцеление есть.*

От автора

В романе «С тех пор как ты ушла» откровенно рассказывается, каково это — жить с расстройством пищевого поведения (РПП). Здесь живо описаны мысли человека, подверженного этой болезни, а также агрессивная природа рестриктивной анорексии, одержимость физическими упражнениями, зонды для кормления, соотношение веса с ростом и один эпизод селфхарма, то есть нанесения себе телесных повреждений. В книге также рассказано о смерти от сердечного приступа, к которому привело расстройство пищевого поведения, и о вызванном той же болезнью выкидыше.

Хотя я дипломированный клинический психолог с диагностированным РПП, мой роман не является руководством по лечению этой патологии. Перед вами скорее честный рассказ о жизни с расстройством пищевого поведения и благая весть о том, что выздоровление возможно.

В книге также рассказано о смерти родителей и случаях опиоидной наркомании.

Пожалуйста, имейте это в виду, прежде чем приступить к чтению.

Часть первая

Обрисуем проблему

Быть полностью честным с собой —
полезная практика.

Зигмунд Фрейд

Глава 1

День первый

Вчера мне позвонила новая пациентка.

— Вы сможете принять меня сегодня? — спросила она. — Мне очень срочно.

У меня и раньше бывали такие звонки. Порой люди испытывают сильную душевную боль и нуждаются в немедленной помощи. А в других случаях мне задним числом становится понятно, что они просто не уважают чужие границы. Я сказала, что сегодня у меня нет для новой пациентки ни единого окошка, но предложила выкроить для нее время на следующий день в семь утра.

— Так даже лучше, — согласилась она. — У вас будет меньше народу, правда же?

Этот вопрос заставил меня призадумываться, не испытывает ли она чувство неловкости оттого, что вынуждена лечиться, — мне доводилось сталкиваться с такими людьми. А может, она знаменитость и не хочет, чтобы ее узнали.

У меня частная практика на Беверли-Хиллз, поэтому среди моих пациентов есть и несколько известных

людей, хотя некоторых из них мне пришлось погуглить, потому что раньше я о них не слышала.

И вот на часах 6:42, но бодрости нет и в помине. Я потягиваю кофе, пытаюсь проснуться и жалею, что назначила прием на семь утра.

Мы с Эдди не спали до половины второго ночи, ведя все тот же разговор, что и в последние месяцы: он хочет жить вместе, а я сомневаюсь.

Теоретически его предложение имеет смысл. Мы вместе уже почти два года. Он отличный парень — верный, с юмором, хороший отец. Но я знаю: если мы съедемся, следующим шагом он сделает мне предложение. Десять лет назад я уже шла по этой дорожке, и ничего хорошего в результате не вышло.

А еще я боюсь, что это будет тяжело для его семилетней дочери Сары. Вдруг между мной и ее отцом что-то не заладится? Жена Эдди неожиданно скончалась, когда Саре было всего четыре года. Если выйду за него замуж, а потом наши отношения развалятся, девочка снова потеряет мать. И на этот раз ситуация будет хуже, потому что у нее останутся связанные со мной воспоминания, ведь она уже не такая крошка, как в день смерти родной мамы. Мне слишком хорошо знакома эта боль.

К тому же вдруг я не гожусь для того, чтобы день за днем играть роль матери? Эдди уверяет, что Сара меня обожает, но я ведь не укладываю ее каждый вечер в постель и не бужу каждое утро. Мы проводим втроем выходные да пару раз в неделю встречаемся все вместе

за ужином. А съехаться означает быть рядом постоянно и взять на себя все заботы — от ухода за Сарой во время болезни до планирования дней рождения и визитов к стоматологу.

Я делаю еще глоточек кофе, стараясь заодно проглотить тревожные мысли. Потом забиваю в поисковик имя новой пациентки, но он не выдает ничего примечательного об Одри Гладстон из Лос-Анджелеса.

Загорается лампочка, извещающая о том, что пришел посетитель. До назначенного времени еще пятнадцать минут. Дай мне волю, и я немедленно пригласила бы пациентку в кабинет. Мне приходится постоянно работать над своими границами. Я напоминаю себе, что, если начать консультацию прямо сейчас, эта женщина и в следующий раз будет рассчитывать на такую возможность, и, возможно, напрасно: вдруг я буду занята с другим пациентом? Поэтому я просматриваю новостную ленту на телефоне.

Через пятнадцать минут я выхожу из кабинета, чтобы забрать новенькую из приемной. Она сидит в кресле, на ней неприметная повседневная одежда, черная бейсболка. Голова опущена, колени ходят ходуном вверх-вниз, а одна рука крепко сжата в кулак.

Тревожное расстройство?

Она замечает меня и тут же вскакивает. На вид я дала бы ей лет двадцать с хвостиком, если бы не написанная на лице тревога, которая ее старит.

Я веду пациентку в кабинет, закрываю за нами дверь и жестом приглашаю располагаться на диване.

— Пожалуйста, приса...

— У меня всего несколько минут, — перебивает она и остается стоять. — Я пришла не для лечения.

Что? А я-то явилась на работу в такую рань, потому что из ее слов у меня сложилось впечатление, будто ей срочно необходима помощь!

— Не понимаю, — приходится признать мне.

— Ваша мать в опасности.

— Что?! — За последние десять лет мне довелось много чего узнать в стенах этого кабинета площадью двести пятьдесят квадратных футов, но такое я слышу впервые.

— Вы должны найти ее и предупредить, — умоляет посетительница.

— Моя мать умерла двадцать шесть лет назад, — сообщаю я, хоть и не обязана ничего объяснять.

Девушка мотает головой:

— Нет, вы ошибаетесь.

В груди у меня словно разгорается пожар.

— Это не смешно.

— Я пришла сюда, рискуя жизнью. — Она нервно закусывает губу. — Те, кто на нее охотится, станут преследовать и меня тоже, если узнают, что я с вами встречалась.

— Кто вы? — спрашиваю я требовательно.

— Если я вам расскажу, мы обе будем в опасности. Вам нужно отыскать Ирен и предупредить ее. Только не обращайтесь в полицию, ФБР, вообще ни к каким властям, чтобы не сделать еще хуже. Я слышала, она где-то в районе Сан-Франциско. Вы должны сказать ей, что она снова в беде.

Снова? Моя мать жива и снова в беде?

Уж не знаю, кто подбил эту девицу явиться ко мне с таким бредовым сообщением — может, одна из бывших недовольных пациенток, — но более извращенного и жестокого розыгрыша даже придумать невозможно. Сразу возникает желание, чтобы она убралась из моего кабинета. Немедленно.

— Уходите, — говорю я.

— Я и не надеялась, что вы мне поверите, — говорит она, разжимая крепко стиснутый кулак. И тут-то я вижу его — золотой браслет от Тиффани с подвеской в виде лимской фасолинки, в точности такой же, как носила мама. Который, как сказали папе в полиции, был похищен, после того как маму сбила машина; водитель тогда скрылся с места преступления.

В груди полыхает пожар. Я не способна выговорить ни слова. И опасаясь, что вот-вот грохнусь в обморок. Чтобы устоять на ногах, пытаюсь ухватиться за боковину дивана.

— Откуда он у вас?

— Мне надо идти, — говорит девушка, роняет браслет на пол и бросается вон из кабинета.

Не успев осознать, что происходит, я уже бегу за ней по коридору: до ног сразу дошло то, что пока не зафиксировал мозг. Если лжепациентка не врала, то лишь через нее можно проследить судьбу моей покойной мамы.

Каблуки скользят, я сильно подворачиваю левую лодыжку, но собираюсь с силами и продолжаю преследование. Посетительница ныряет в ведущую на лестницу дверь и бежит вниз по ступенькам. Я ковыляю за ней,

однако расстояние между нами лишь увеличивается. Наконец она добирается до первого этажа и выскакивает в вестибюль.

К тому времени, как я тоже преодолеваю лестницу, она уже выбегает из здания. К фасаду с визгом подкатывает «кадиллак-эскалейд» с тонированными стеклами и неразличимыми номерами. Девушка прыгает на заднее сиденье и уносится прочь.

А я остаюсь стоять в одиночестве на углу бульвара Уилшир и Рексфорд-драйв, во вторник, в семь ноль четыре утра, окруженная пальмами и солнечным светом, как будто совсем ничего не произошло.

Глава 2

Мы с коллегами держим в общем холодильнике пакеты со льдом. Я сижу за рабочим столом и прижимаю лед к пострадавшей лодыжке.

Все эти двадцать шесть лет я мечтала лишь о том, чтобы мама каким-то образом оказалась жива.

Невозможно вообразить, через что прошли мы с отцом после того, как ее потеряли. Мама была моей опорой, вдохновительницей, она была для меня всем, и жизнь без нее стала невыносимой.

Все, чему я, будучи подростком, раньше радовалась, — тусовки с друзьями на пляже, походы на концерты, игра за школьную футбольную команду — теперь давалось с трудом. Окружающие продолжали идти вперед по жизни, в то время как я постепенно выпадала из нее.

У овдовевшего папы, ставшего отцом-одиночкой, хватало своих проблем. Мама не только работала клиническим психологом, она еще и заведовала всем в доме, от закупки продуктов и оплаты счетов до вызова сантехника, если вдруг засорится раковина. Когда ее не стало, папе пришлось в одиночку взвалить домашние хлопоты на себя вдобавок к работе компаньоном

в юридической фирме, которая размещалась в деловом центре Лос-Анджелеса.

Ему едва удавалось держаться на плаву, поэтому он не заметил, когда я стала плохо есть, избегать завтраков и едва прикасаться к ужинам. Лишь когда я совсем отказалась от пищи, а одежда стала висеть на мне, как на хеллоуинском скелете, он сообразил, что со мной творится неладное.

Папа испробовал все, что было в его силах, пытаясь заставить меня есть, а я вела себя просто ужасно. Я швыряла в него тарелками с едой, обвиняла в жестоким обращении, даже несколько раз стукнула. Мозг так деформировался за долгие месяцы голодания, что я почти утратила волю к жизни и прямым ходом направлялась к гибели, а папа встал у меня на пути.

Стресс от происходящего был для отца слишком силен, и он снова начал курить, — мама помогла ему избавиться от этой привычки, когда я еще пешком под стол ходила. Через десять лет после того, как мамы не стало, папа умер от рака легких. Последующие двенадцать лет я без конца винила себя в том, что превратила его жизнь в ад, и даже задавалась вопросом, не я ли стала причиной его смерти.

И вот теперь мне вдруг говорят, что мама якобы жива. Конечно, это весьма маловероятно, но как тут не задуматься, что мы с папой могли избежать стольких страданий, через которые нам пришлось пройти. Если мама действительно не умерла, известно ли ей о том, что случилось с нами после ее исчезновения? Наблюдала

ли она за нами со стороны? Или инсценировала свою смерть, чтобы раз и навсегда избавиться от нас?

Может, в глубине души мама была несчастна в той жизни, которую вела в семье. По ее поступкам нельзя было заподозрить ничего подобного, но я прочла предостаточно книг о горемычных матерях семейств, которые в один прекрасный день вдруг срываются с места и уезжают, вызывая этим поступком оторопь у всех родственников.

И как насчет того, что сказала фальшивая пациентка? Мол, мама в беде. Причем снова.

Неужели, будучи замужем за папой, она вела двойную жизнь, из-за которой в результате попала в беду?

Нет. Не может мама быть живой. Мы ее похоронили. Устроили поминальную службу в похоронном бюро, принадлежащем одному из друзей нашей семьи. Правда, ни я, ни папа так и не видели ее тела.

Папа сказал мне, что, по словам полицейских, оно слишком изуродовано в результате наезда, чтобы показать его нам. Он сказал, что передал в полицию стоматологическую карту, по ней маму и опознали.

Но как же быть с браслетом, который незнакомка уронила на пол, прежде чем сбежать из моего кабинета? Всем, кто знал маму, было известно, что она носила браслет с золотой фасолинкой-лимой не снимая. Его можно видеть на каждой фотографии, сделанной за первые пятнадцать лет моей жизни. И вот теперь человек, знающий этот специфический факт, пытался подцепить меня на крючок, чтобы посильнее ранить. Только кто бы это мог быть?

Лед в пакете подтаивает, и влажные капли ползут вниз по лодыжке. Я сосредоточиваюсь на них, а не на браслете, который смотрит на меня с белого ковра. Солнечный луч из окна отражается от золотой цепочки, заставляя ее сверкать.

Еще малышкой я запомнила каждый сантиметр мамино браслета. Папа подарил его ей после того, как она впервые взяла меня на руки в роддоме и назвала «своей маленькой фасолинкой». На золотой подвеске была гравировка с моим именем и датой рождения, а еще сверху слева виднелась небольшая царапинка.

Из-за письменного стола мне не видно, есть ли на фасолинке надпись или царапина. А проверять страшно. Потому что возникает ощущение, будто все, что я знала о своей жизни, в любой момент может перевернуться вверх тормашками и оказаться неправдой. И тогда выяснится, что человек, якобы любивший меня больше всех на свете, вполне вероятно, попросту меня бросил.

Отвага — это не то же самое, что отсутствие страха, внушаю я своим пациентам. Отвага — это когда действуешь вопреки страху. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и встаю.

И вот я уже хромаю по ковра, и боль в лодыжке почти не отвлекает от стука сердца, которое так бешено барабанит в груди, что, кажется, готово прямо здесь и сейчас проломить ребра и вырваться наружу.

Снова закрыв глаза, я поднимаю браслет и сперва крепко стискиваю его в кулаке, а потом медленно поднимаю веки и разжимаю пальцы.

Мое имя, дата моего рождения и царапинка в левом углу подвески на месте.

Голова внезапно тяжелеет. Комната начинает вращаться. Чтобы не грохнуться на пол, я быстро опускаюсь на диван, сжимая мамин браслет и пытаюсь успокоить себя глубоким вдохом и очень медленным выдохом.

Неужели мама действительно жива? Да еще, как сказала лжепациентка, живет в одном штате со мной. Такая возможность просто не укладывается в голове.

Дрожащей рукой тянусь к мобильному телефону и отменяю все утренние приемы. Я ведь и думать-то толком не могу, не говоря уже о том, чтобы кого-то консультировать.

Не знаю, как быть дальше, зато очень хорошо знаю, что не могу сейчас оставаться в одиночестве.

* * *

Я стою перед домом Эдди на бульваре Пико и стучу в дверь. Он открывает, явно растерянный оттого, что я явилась к нему среди недели, да еще с утра.

— Ничего не случилось? — спрашивает он. — А то нам в школу пора.

У него за спиной возникает Сара с рюкзачком в розовых и фиолетовых тонах.

— Привет, Лима!

— Не хочешь к нам присоединиться? — предлагает Эдди.

Меня на время затягивает реальность повседневной жизни. Если я вместе с ним повезу его дочь в школу, он может вообразить, будто я склоняюсь к переезду.

Мне не хочется вводить в заблуждение ни его, ни Сару, и я отчаянно пытаюсь придумать предлог, чтобы отклонить его предложение.

Сара поднимает на меня большие голубые глаза.

— Тройную порцию, — говорит она.

Ее слова трогают меня до глубины души. Когда мы с Эдди ведем ее поесть мороженого, то каждый раз покупаем рожок с тремя шариками, а потом делим его между собой. Это потому, что я как-то рассказала им историю о своем последнем путешествии вместе с родителями, перед самой маминей смертью. Тогда мы поехали на лето в Италию и, в каком бы городе ни оказывались, всегда покупали тройное джелато — одно на всех.

Мама носила в кошельке фотографию, на которой мы втроем сидим в Риме на Испанской лестнице и едим рожок мороженого с тремя шариками. Кошелек после ее гибели украли вместе с браслетом, так что этого снимка мы больше не видели. Когда мамы не стало, я и другие фотографии из того путешествия никогда больше не разглядывала. Они были лишним напоминанием о прежних временах, когда наша семья еще состояла из трех человек, а у меня не пропало желание есть мороженое.

Сара все так же стоит передо мной в ожидании ответа.

— Конечно! — говорю я.

Она сует ладошку мне в руку, и мы вместе идем к машине Эдди.

Доезжаем по бульвару Пико до частной школы, где учится Сара. Эдди останавливает автомобиль у огра-

ничительной линии, выходит и огибает машину, чтобы открыть для дочки заднюю дверь. Та выбирается из салона, и они обнимаются на прощание.

— Люблю тебя, — говорит Эдди.

— Люблю тебя, папочка, — раздается в ответ.

Девочка машет мне в окошко, я тоже ей машу.

Эдди возвращается за руль и поворачивается ко мне:

— Что происходит? Почему ты не на работе?

— Кое-что случилось, — сообщаю я.

— С каким-то пациентом? — уточняет Эдди.

— Не то чтобы... — Я замолкаю. Лодыжка еще ноет, и все, что случилось утром, начинает постепенно до меня доходить. — Поехали к тебе, я лучше там расскажу.

Оказавшись у него дома, я действительно все рассказываю: про поддельную пациентку, про то, как она сказала, что моя мама еще, может быть, живет где-то в Сан-Франциско, про браслет.

— Ого, — тянет Эдди, осмысливая мои слова. — Ты знаешь, кто эта девушка?

— Она не сообщила своего настоящего имени, — вздыхаю я. — Сказала, если я его узнаю, это может быть очень опасно для меня. И что люди, которые охотятся за мамой, станут преследовать и ее, если пронюхают, что мы встречались. Я погналась за ней, но она оказалась быстрее. Эдди, я должна ее найти.

— А как насчет камер видеонаблюдения в вашем бизнес-центре, в вестибюле например? — спрашивает он.

— Никогда раньше не обращала внимания, есть они или нет, — признаюсь я.

— Потому что если мы добудем ее изображение с камер, то сможем выяснить, кто она такая. Просто загоним картинку в приложение для распознавания лиц.

Во всем, что касается таких высокотехнологичных штук, Эдди ас. Он инженер-программист: создает, отлаживает и разрабатывает программное обеспечение вроде операционных систем, бизнес-приложений и систем сетевого управления, которые разные компании используют в делопроизводстве. Он везунчик, потому что может работать из дома, а с тех пор, как он стал одиноким отцом, это просто благословение.

— Даже если камеры и есть, она была в бейсболке, чтобы спрятать лицо, — сообщаю я.

— Никогда нельзя знать заранее, — обнадеживает Эдди. — Может, под каким-то углом лицо и мелькнуло. Поедем и выясним. Я за руль. — И он берет ключи от автомобиля.

— Разве тебе не надо работать? — спрашиваю я.

— С делами позже разберусь, — бросает он.

— Спасибо.

Я благодарна Эдди за доброту. Он знает и о том, как сильно подкосила меня потеря мамы, и о расстройстве пищевого поведения, с которым я боролась в старших классах, когда ее не стало. Как-то раз я даже призналась, что заставила отца пройти через ад и потому чувствую себя виноватой в его смерти от рака легких, но Эдди лишь посочувствовал мне.

— Чему я научился у себя в группе поддержки, так это тому, что каждый по-своему проживает горе, — сказал он тогда.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

САГИТ ШВАРЦ
С ТЕХ ПОР КАК ТЫ УШЛА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.09.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басым шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-GRR-34912-01-R